

Шишкина Анастасия Андреевна

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО И КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ФОРМЫ ОТРАЖЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

В статье обосновывается возможность рассмотрения культурного ландшафта как частного проявления культурного пространства, как носителя всех его свойств в меньшем масштабе. Также автор демонстрирует взаимообусловленность черт культурного пространства, культурного ландшафта и культуры в целом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-2/61.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. II. С. 219-223. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

образец массовой вещи, рассчитанной на механизированную, станочную обработку, на конвейер, поэтому он особенно четко продумывал архитектуру и учитывал эргономику предмета.

Наряду с массовым производством стандартных изделий на южноуральском заводе существовал ограниченный выпуск малосерийной продукции, а также осуществлялись индивидуальные заказы, создавались единичные выставочные или подарочные образцы, имевшие ручную выработку (фарфоровые изделия Н. Калилова, А. Пановой, Е. Щетинкиной). Единичные предметы, образцы малых серий отшлифовывали новые творческие идеи в производстве. В промышленности единичный образец оставался выставочным уникальным или переходил в новую стадию – закреплялся в тираже продукции и становился массовым. Использование ручной росписи приносило элемент допустимой вариативности, а механизированные техники деколи или шелкографии унифицировали создаваемые предметы. Таким образом, посредством творческой деятельности мастеров художественной лаборатории на производстве постоянно поддерживался качественный уровень заводской исполнительской культуры.

Список литературы

1. Казакова Л. В. Машина и ручной труд в художественной промышленности // Человек, предмет, среда: вопросы развития советского декоративного искусства 60-х - 70-х гг.: сб. статей НИИ теории и истории изобразительных искусств АХ СССР / под общ. ред. В. П. Толстого. М., 1980. С. 143–161.
2. Казакова Л. В. Художник – организатор стилистического обновления машинных изделий // Советское декоративное искусство 73/74. М., 1975. С. 70–80.
3. Максимова Н. Вопросы обновления ассортимента фарфоровой и стекольной промышленности // Искусство и промышленность: сб. статей / под ред. В. П. Толстого и К. М. Кантора; НИИ теории и истории изобр. иск-в АХ СССР. М., 1967. С. 90–103.
4. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р–556. Оп. 1 (за 1955–1983 гг.). Южноуральский фарфоровый завод.
5. Степанян Н. С. Уникальность, массовость и проблема тиражирования // Искусство и промышленность: сб. статей / под ред. В. П. Толстого и К. М. Кантора; НИИ теории и истории изобр. иск-в АХ СССР. М., 1967. С. 58–74.
6. Шабалина Н. М. Фарфоровое производство на Южном Урале второй половины XX века // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. Вып. 14. № 8. С. 90–96.
7. Южноуральский фарфоровый завод: каталог фарфоровых изделий. М.: Внешторгиздат, 1991.

ART AND PRODUCTION: THE PROBLEM OF SINGLE AND MASS CORRELATION IN ART INDUSTRY IN THE XXTH CENTURY (BY THE MATERIAL OF SOUTH-URAL PORCELAIN FACTORY)

Natal'ya Mikhailovna Shabalina, Ph. D. in History
*Department of Design
South-Ural State University
nat.shabalina@mail.ru*

The author considers the key issue of art industry – an artist's cooperation with production, single and mass ratio in production, reveals the fundamental mechanisms of single sample into mass production transition and determines the role of artistic creativity in production laboratory in supporting the overall quality level of factory performance culture by factual material.

Key words and phrases: art and production; art industry; South-Ural porcelain; single and mass in art industry.

УДК 008(045)

В статье обосновывается возможность рассмотрения культурного ландшафта как частного проявления культурного пространства, как носителя всех его свойств в меньшем масштабе. Также автор демонстрирует взаимообусловленность черт культурного пространства, культурного ландшафта и культуры в целом.

Ключевые слова и фразы: культура; культурное пространство; культурный ландшафт.

Анастасия Андреевна Шишкина

Кафедра «Философия»

Ижевский государственный технический университет

philosoph@istu.ru

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО И КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ФОРМЫ ОТРАЖЕНИЯ КУЛЬТУРЫ[©]

Культурное пространство и культурный ландшафт являются важнейшими векторами для изучения современной культуры. Однако мы придерживаемся той позиции, что феномен культурного ландшафта нуждается

в более пристальном внимании. И связываем эту необходимость с малой изученностью культурного ландшафта, хотя он представляет собой не менее информативное системное образование, чем культурное пространство.

В рамках данной работы мы хотели бы в большей степени обнаружить общие, взаимообуславливающие характеристики культурного пространства и ландшафта, и в меньшей – те черты, которые их разграничивают и, как следствие, формируют два самостоятельных образования и две категории.

Понятие «культурное пространство» является междисциплинарным, этот термин в своих исследованиях употребляют историки, этнографы, социологи, лингвисты, географы и др. Но, несмотря на длительную историю «культурного пространства», все-таки не существует единого определения, единой многолинейной концепции. Процессы интеграции в этой области только начинаются, и немаловажную роль здесь может сыграть более частная концепция культурного ландшафта, которая также многогранна и междисциплинарна.

Понятие «культурное пространство» рассматривается современной философией в самых различных ракурсах: культурное пространство духовности, региональной культуры, провинциального города, мегаполиса, смеха и т.д. (Е. Г. Зинков, А. Г. Лазарев, А. С. Ступина, Е. А. Трофимова, О. П. Колпикова).

Однако проблема культурного ландшафта в философских исследованиях затрагивается крайне редко. Среди немногочисленных работ можно назвать работы Е. А. Воробьевой, А. А. Белокурова, Р. Ю. Федорова, Н. А. Ежовой. Е. А. Воробьева рассматривает культурный ландшафт как фактор бытийности культурного пространства на примере локальной этнической культуры эвенков Восточного Забайкалья [4]. А. А. Белокуров рассматривает теоретическую базу традиционного культурного ландшафта [1]. Р. Ю. Федоров анализирует культурный ландшафт как возможность наиболее точно проследить процесс освоения новых территорий на примере Урала и Западной Сибири [15]. Н. А. Ежова концентрирует свое внимание на основных характеристиках визуального городского ландшафта, на создаваемых им параметрах индивидуальной комфортности, а также на его влияние при формировании личности [7]. Последняя работа представляет для нас особый интерес, поскольку в ней четко обозначены ценностные линии взаимовлияния-познания между ландшафтом и обществом, его формирующим, а, следовательно, и основные векторы формирования культурного пространства.

Тема пространства впервые была поднята еще в античности (Демокрит, Аристотель, Эпикур и др.), затем на протяжении веков привлекала к себе все большее внимание и получала самые неожиданные ракурсы. Однако чаще всего пространство рассматривается именно в рамках культуры: Платон, Аристотель, Ф. Аквинский, Д. Вико, Гердер, Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс и др.: «... культурное пространство есть форма существования культуры в единстве ее материально-вещественных и духовно-смысловых результатов и образцов, которая выражает протяжённость их распространения, степень воздействия на сознание и поведение людей, глубину усвоения, принятия ими ценностно-смыслового содержания культуры. Эти три момента и составляют измерения культурного пространства» [8, с. 46].

Проблему единства культуры, культурного пространства развивали и классики русской философии: П. А. Флоренский, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, П. А. Сорокин, философию которого «вообще можно рассматривать как своеобразную светскую модификацию русской идеи Всеединства, выдвинутой В. С. Соловьёвым» [12, с. 6] и др.

Наш современник А. А. Боев называет единое культурное пространство формой бытия «потенциальной культуры как совокупности универсальных непреходящих ценностей, обусловленных диалогом реальных культур в их диахронном и синхронном аспектах», социокультурным образованием, явлением ноосферы, психо-энергетическим феноменом человеческого сознания и мышления, порождёнными реальной культурой в процессе длительного исторического развития [2, с. 17].

Таким образом, «культурное пространство» в рамках философских исследований понималось и понимается чаще всего как единое человеческое, межкультурное пространство, многомерная система, не поддающаяся унификации [9, с. 41]. Характеризуя культуру, неизбежно прибегают к понятию пространства и наоборот.

Е. Г. Зинков в своей докторской диссертации «Культурное пространство российской духовности» выделяет восемь подходов к анализу пространства, объясняя множественное членение разнообразием отечественных исследований. Кроме культурологического и географического, обособленно выдвигаются собственно философский подход, а также социологический, политологический, экономический, урбанистический и экологический [8, с. 7-8]. Таким образом, мы видим, что Е. Г. Зинков основывает свою классификацию на наличии системы наук, которые исследуют проблематику пространства. На наш взгляд, такое деление вполне обоснованно и может стать ещё более подробным с учетом главных направлений в рамках обозначенных наук. В результате чего могут быть названы, например, эстетический, этический, онтологический, гносеологический и аксиологический подходы в рамках философского.

Такое дробное деление подходов тем более полезно, что каждое культурное пространство, вне зависимости от его возраста и протяженности, очень неоднородно и многолико в характеристике своих элементов, будь то экономическая деятельность населения, этнический состав, нравственные идеалы и т.д. Например, культурное пространство Удмуртской Республики довольно сложно на некоторых территориях разграничить на пространство русского и удмуртского населения, поскольку представители русской культуры живут здесь с XVII в. и вполне могут считаться коренными жителями. Кроме того, согласно материалам Всероссийской переписи населения 2002 г., в республике проживают представители 70 национальностей. Кроме русских (60,1%) и удмуртов (29,3%) здесь проживают татары (7,0%), украинцы (0,7%), марийцы (0,6%),

башкиры (0,3%), азербайджанцы (0,2%), белорусы (0,2%), бесермяне (0,2%) и представители других национальностей (1,4%) [14, с. 41-42]. Аналогичная ситуация (полиэтничность) сложилась и в других регионах нашего многонационального государства.

Причиной неоднородности культурного пространства и ландшафта является «неоднородность пространств культур, которая проявляется в доминировании определенного пространства, даже если человек существует в нескольких пространствах одновременно» [4, с. 40], это же свойство обнаруживается и в функционировании культурного ландшафта, когда в ландшафте культивируются определенные эстетические свойства, воплощаются преобладающие ценности общества и т.д. В результате этой особенности бывает сложно отнести тот или иной исторический культурный ландшафт к достойно определенному этносу. Однако наиболее красочно это свойство проявляется в культурном ландшафте города, когда на одной улице мы можем видеть событие повседневной культуры, офисной, производственной и, соответственно, преобладание одной из них.

Неоднородность пространств культур проявляется также в том, что каждое культурное пространство и ландшафт имеют центр сосредоточения и свой ареал влияния. Так, центром культурного пространства, а, следовательно, и вектором формирования культурного ландшафта, ретранслятором культурной информации может стать крупная река, национальный природоохранный парк, место значительного исторического события, усадьба выдающейся исторической личности и т.д. Могут выделиться центры общекультурного и более локального характера. Таким образом, культурные ландшафт и пространство наследуют одно из важных свойств культуры – неоднородность.

Понятие «культурное пространство» максимально близко к понятию «культура», само пространство есть воплощение культуры, а, согласно А. Молю, культура равна ее пространству [3, с. 33]. В результате чего культурное пространство может трактоваться как «конструируемая человеком пространственная среда» [13], одной из главных характеристик которой является целенаправленность [4, с. 83], поскольку культура – это все то, что создано человеком в процессе целенаправленной деятельности, т.е. труда, физического и духовного. Конечно, велика возможность непреднамеренного образования культурных пространства и ландшафта, но и в этом случае они будут культурными, поскольку вторичны, производны по отношению к преднамеренным.

При этом следует отметить, что культурное пространство и культурный ландшафт сами могут быть охарактеризованы как деятельностные. Поскольку, создавая тот или иной культурный ландшафт, мы создаем основу динамичной саморазвивающейся системы, которая, вобрав в себя наши представления о высших ценностях и целях, затем сама формирует эти цели и ценности, напрямую корректируя созерцательность человека. Культурное пространство и культурный ландшафт, изначально представляя из себя «физическое и ментальное выражение организации пространства человеком» [13], становятся самостоятельной системой принятия решений.

Закономерной производной от целенаправленно-деятельностного проявления культурного пространства и ландшафта является их осмысленность. По справедливому замечанию В. А. Тишкова, пространство и существует только потому, что определенная группа людей считает себя его частью. Если же этого не происходит, то пространство вообще не имеет места быть, ни в смысловом, ни в материальном воплощении [Там же]. Более того, осмысленность культурного пространства и ландшафта проявляется также в стремлении человека познавать свое творение, закономерности его становления, развития и функционирования.

На основе последних двух характеристик культурного пространства и ландшафта – целенаправленной деятельности и осмысленности – неизбежно формируется главная – включенность в культуру и, как следствие, взаимодействие с ее элементами, невозможность восприятия пространства и ландшафта без соотнесения с ней.

Также свойствами культурного пространства, проявляющими его взаимосвязь с культурой, являются одновременно целостность, связность, непрерывность [11, с. 541] и структурность [3, с. 24], необходимо рассматривать культурное пространство именно в единстве этих качеств.

Однако структурность, которую можно обозначить как многовекторность, в рамках концепции культурного ландшафта не всегда будет иметь положительный смысл. Мы убеждены, что при всей многоликости культур, должны существовать единые, универсальные линии их развития. И, хотя Леонтьев определяет развитие разности (конкуренентоспособности) как главный критерий прогресса культуры, мы убеждены, что при определенных условиях он может спровоцировать и регрессивные состояния общества. Особо остро такая ситуация может проявиться на примере экологической этики, которая на сегодняшний день нуждается в формировании универсальных принципов взаимоотношения человека и природы при сохранении их локальных особенностей.

Таким образом, мы в равной мере отрицаем как культурный релятивизм, «исключающий всякую общность между культурами, утверждающий их принципиальную отгороженность, невходимость друг в друга» [17], так и культурный догматизм, который в итоге может обернуться отсутствием уникальных черт тех или иных культур, их невыразительностью и безликостью.

Все обозначенные ранее характеристики П. А. Флоренский объединяет в понятии внеположенности: «Внеположенность, т.е. нахождение отдельностей вне друг друга, таков основной признак пространственности. <...> Это уже есть достаточный признак нахождения их в соответственном пространстве, потому что

мы, хотя и не смешиваем, но однако рассматриваем их не порознь, а вместе, как нечто связанное, и координируем их друг с другом» [16, с. 51]. Эта связанность и одновременно отдельность несут в самих себе смысл границы, поскольку граница представляет собой не только разделение, но и связь каждого из явлений природы, общества и культуры [3, с. 27].

Эта точка зрения находит подтверждение в следующем замечании И. В. Кузина: «Пространственная разделенность, с одной стороны, является иллюзией, так как может преодолеваться не пространственно, но с другой стороны, совершенно реальна, так как существуют единые точки-события, сохраняющие и поддерживающие себя соприкосновением пространственных границ, претупая их собственной мыслью» [10].

Весьма ограниченным, даже материалистичным, в свете ранее сказанного выступает определение пространства по В. И. Далю, которое трактуется как «состояние или свойство всего, что простирается, распространяется, занимает место; самое место это, простор, даль, ширь, глубь, место, по трем измерениям своим» [6, с. 515]. Однако наше представление о пространстве предполагает и его идеальное бытие в виде эстетического, этического, аксиологического культурного пространства, а также пространства целеполагания, мышления, логического познания, коммуникативного, интеллектуального, виртуального пространства и т.д., что позволит сформулировать наиболее полный список характеристик культурного пространства. При этом, рисуя его обобщенный портрет, важно не предать забвению какой-либо частный пример проявления его характера и всей культуры в целом.

«Культурный ландшафт», в свою очередь, позволяет рассматривать культурное пространство локально, т.е. на примере какой-то конкретной, ограниченной территории, культуры в ее взаимосвязи, неотделимости от единой культуры. Так, мы можем говорить о культурном ландшафте не только области, района или города, но и небольшого поселения или даже отдельной семьи.

Кроме многовекторности (структурности) и непрерывности культура, культурное пространство, а вместе с ними и культурный ландшафт характеризуются изменением и развитием своих признаков, хотя их структура и функции достаточно устойчивы [4, с. 20].

Структура и функции культурного ландшафта устойчивы, т.к. человек направляет его на достижение изначально намеченной цели, а изменение его характеристик как раз свидетельствует о постепенном движении к ней. Если же происходит смена цели (курса изменения культурного ландшафта), то функции его, как правило, меняются в корне. Обусловлено это тем, что «культура – та «живая субстанция», внутри которой человек раскрывает и развивает себя посредством природы, а природа раскрывает и развивает себя посредством человека» [5, с. 23].

Однако, после рассмотрения общих характеристик культурного пространства и ландшафта, хочется отметить, что «культурный ландшафт» – более конкретное, избирательное понятие, но от этого не менее многогранное и информативное, чем «культурное пространство». Культурный ландшафт есть микрокосм по отношению к пространству-макрокосму; будучи лишь его частью, он является носителем всех его свойств, в том числе и структуры, состоит из тех же составных частей, что и культурное пространство: художественное, политическое, экономическое, нравственное, научное, религиозное, правовое и др. взаимообусловленные подпространства, которые находятся в активном взаимодействии. Все они являются производными основных сфер общества и форм общественного сознания, поскольку культурное пространство и социальное пространство – взаимопроникающие элементы, немислимые без своего единства.

В рамках этой гипотезы гармонично интегрируются многочисленные концепции культурного ландшафта, прежде всего, разнополярные культуроцентричный и природоцентричный (а по сути - идеалистический и материалистический) подходы, где ландшафт предстает как совокупность духовных и материальных феноменов, тем самым создавая условие и для целостности культурного пространства, которое в свою очередь «не исчерпывается изучением форм и способов организации окружающей среды», а есть также «пространство реализации человеческой виртуальности (задатков, возможностей, желаний и пр.), осуществления социальных программ, целей и интересов, распространения идей и взглядов, языка и традиций, верований и норм и т.д.» [3, с. 39].

В результате этого культурный ландшафт перестает пониматься как «фактор «наличествования» пространства культуры» [4, с. 66], когда главной его характеристикой усматривают объективность и реальность. Культурное пространство и культурный ландшафт состоят как из материального воплощения, так и из идеального целеполагания. К тому же они являются объектами познавательного процесса, а потому довольно сложно говорить о наличии у них конкретных границ. Границы в данном случае стоит определять только у нашего знания, которое мы формируем о них.

Поскольку культурный ландшафт находится с культурным пространством в отношениях микро- и макрокосма, а оно, в свою очередь, – с культурой вообще, то культурный ландшафт является прямой проекцией единой человеческой культуры.

В понятии «культурный ландшафт» наиболее полно, точно и наглядно отражается рефлексия культуры, живой характер культурного пространства, осуществляется связь прошлого, настоящего и будущего. Культурный ландшафт – одна из главных составляющих культурного пространства, которая позволяет в полной мере проследить эту связь, сохранение и развитие материальных практик преобразования мира и духовного освоения действительности. Более того, «культурный ландшафт» – своеобразная золотая середина в

системах измерений, не настолько глобальная и всеобъемлющая как «культура» и «культурное пространство», но и не предельно частная как единичный объект.

Таким образом, рассмотрев основные проявления культурного пространства и ландшафта, можно сделать вывод, что все представленные ранее компоненты культурного ландшафта являются одновременно компонентами и культурного пространства, локальной сферой которого является ландшафт. Различие этих составляющих, прежде всего, будет проявляться в масштабе их воплощения. Влияние масштабности наблюдается и при рассмотрении основных свойств пространства и ландшафта: целенаправленности, деятельностности, осмысленности, неоднородности составляющих культур, связности, целостности, многомерности и системности.

В результате исследования становится очевидным, что культурный ландшафт – прямая проекция культурного пространства, а оно, в свою очередь, – культуры в целом. Взятое в отдельности пространство есть воплощение культуры, всех ее свойств, функций, целей и т.д. с преобладающим значением одной из них. Культура и пространство находятся в отношениях макро- и микрокосма, проецируя их на систему «пространство–ландшафт».

Список литературы

1. **Белокуров А. А.** Традиционный культурный ландшафт: структура, факторы формирования и развития: дисс. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2007. 150 с.
2. **Боев А. А.** Единое культурное пространство: теоретико-методологический аспект: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 1993. 19 с.
3. **Быстрова А. Н.** Культурное пространство как предмет философской рефлексии // Философские науки. 2004. № 12. С. 24-40.
4. **Воробьева Е. А.** Культурный ландшафт как фактор бытийности пространства культуры: на примере этнической картины мира эвенков Восточного Забайкалья: дисс. ... канд. филос. наук. Чита, 2007. 152 с.
5. **Давыдова Г. А.** Единство человека и природы как философская проблема // Взаимодействие общества и природы. М.: Наука, 1986. 86 с.
6. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1980. Т. 3. 556 с.
7. **Ежова Н. А.** Культурформирующие основы визуального городского ландшафта: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2005. 151 с.
8. **Зинков Е. Г.** Культурное пространство российской духовности: дисс. ... доктора филос. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 291 с.
9. **Иконникова С. Н.** История культурологических теорий. СПб.: Питер, 2005. 474 с.
10. **Кузин И. В.** Хронотоп как ахрония: формальное условие со-бытия [Электронный ресурс] // Модусы времени: социально-философский анализ: сб. статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 38-64. URL: <http://www.spho.ru/library/110> (дата обращения: 20.03.2011).
11. **Мелюхин С. Т.** Пространство и время // Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
12. **Сорокин П. А.** Социальная и культурная динамика / пер. с англ., вст. статья и комментарии В. В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
13. **Тишков В. А.** Культурный смысл пространства [Электронный ресурс] // Этно: электронный научный журнал. 2003. № 2. URL: <http://www.ethnonet.ru/lib/0803-02.html> (дата обращения: 09.11.2010).
14. **Удмуртская Республика:** энциклопедия. Ижевск: Удмуртия, 2008. 768 с.
15. **Федоров Р. Ю.** Проблемы морфологии и способы интерпретации культурного ландшафта региона // Северный регион: наука, образование, культура. 2005. № 1 (11). С. 25-30.
16. **Флоренский П. А.** Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993. 324 с.
17. **Хабецкий А. Г.** Пространство и время в культуре [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии: электронный научный журнал. 2010. Вып. 1 (13). URL: http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/340-article_11.html (дата обращения: 09.11.2010).

CULTURAL SPACE AND CULTURAL LANDSCAPE AS CULTURE REFLECTION FORMS

Anastasiya Andreevna Shishkina

*Department of Philosophy
Izhevsk State Technical University
philosoph@istu.ru*

The author substantiates the possibility of cultural landscape consideration as the particular manifestation of cultural space, as the bearer of all its properties on a smaller scale, and demonstrates the interdependence of cultural space and landscape traits and culture in general.

Key words and phrases: culture; cultural space; cultural landscape.